

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2025 – 2026 учебный год
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП

БЛАНК ЗАДАНИЙ
ДЛЯ 9 КЛАССА

Общее время выполнения заданий – 300 минут

Ответы к заданиям 1, 2, 3 вписываются в специальные таблицы на Листах ответов, которые вы получаете вместе с заданиями.

Если при выполнении задания вы допустили ошибку, зачеркните неверный вариант и впишите верный так, чтобы он ясно читался.

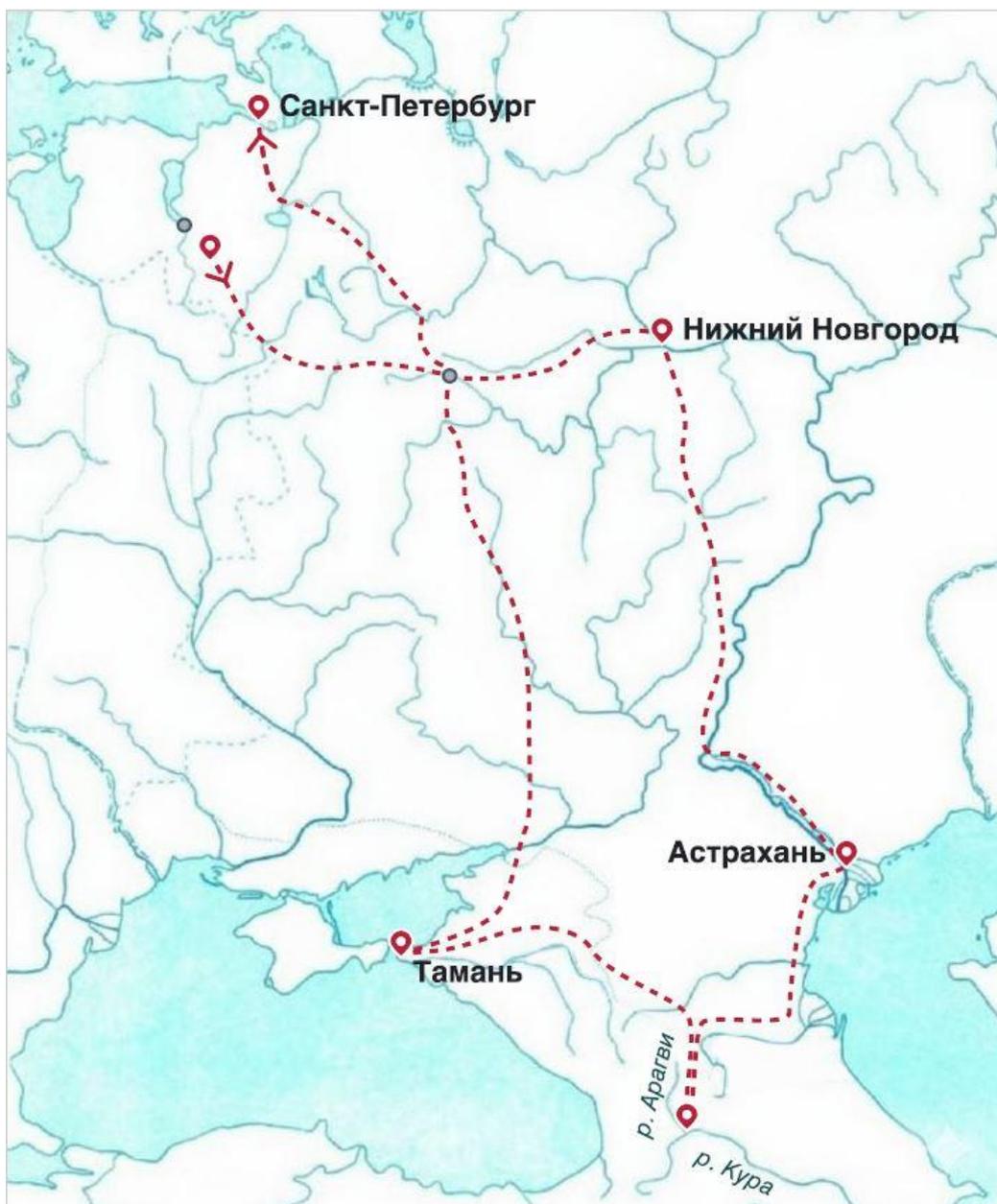
Графа «Баллы» заполняется проверяющими, в неё вписывать ничего не нужно.

Подписывать Лист ответов не нужно, он сдаётся вместе с остальными заданиями.

Задания 4 и 5 выполняются на чистых бланках ответов, которые выдаются организаторами.

Задание №1

Перед вами – карта, на которую нанесен маршрут путешествия литературного героя. В Листе ответов укажите, кто этот герой, впишите название литературного произведения и его автора в соответствующую графу. Какая точка на маршруте лишняя и в ней герой не был? Ответ занесите в последний столбик таблицы.

Задание №2

Перед вами – фрагменты театральных рецензий, посвящённых разным спектаклям по одному и тому же литературному произведению. Назовите это произведение и его автора; укажите фамилию персонажа. Ответы впишите в соответствующие графы таблицы в Листе ответов. Коротко объясните своё решение в графе «Комментарий».

Спектакль 1

Продюсерский центр «КонтАрт». Режиссёр – Максим Диденко. Автор рецензии – Александра Дунаева

В одном театре... лучше не называть пока, в каком именно, а то как назовёшь, так искушённый театрал сразу и составит в воображении своем готовую картину, и слова критика ни под каким предлогом уже не придутся ему в пору. Нет ничего сердитее искушённого театрала.

Спектакль 2

«Приют комедианта», Санкт-Петербург. Режиссёр – Тимофей Кулябин. Автор рецензии – Вера Гиренко

В качестве сюжетообразующей конвенции выбран dress code. Для тех, кто забыл, что это такое, в программке к спектаклю приводится подробная справка. «...Термин, который возник в Великобритании. Используется для обозначения регламента в одежде, который показывает принадлежность человека к определённой профессиональной группе...». Именно ему, дресс-коду, не соответствует <персонаж>.

Спектакль 3

«Современник», Москва. Режиссёр – Валерий Фокин. Автор рецензии – Александр Соколянский

Начало спектакля: подсвеченный изнутри полупрозрачный задник, весь в какой-то рябой мути, посреди пустой сцены стоит <предмет> (старая) – непомерно большая и похожая скорее на юрту, чем на верхнюю одежду. Перемена света – и муть на заднике, придя в движение, становится метелью... И только потом из воротника... медленно высовывается маленькая, лысенькая голова <персонажа>. Света на сцене пока немного, и не сразу удаётся заметить, что глаза у него закрыты и что на лице – совершенно счастливая улыбка, какая бывает только у хорошо покушавших, угревшихся младенцев.

Задание №3

Перед вами – два изображения одного и того же писателя; лицо его скрыто, но детали и фоновые подробности помогут вам определить, кто он. Укажите в Листе ответов фамилию писателя, а в графе «Комментарий» коротко объясните, по каким элементам изображений вы смогли его узнать, к каким произведениям этого автора они могут относиться.

Рис. 1

Рис. 2

Задание №4

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Валерий Попов

(род. в 1939)

Сочинение

Учился я всегда обычно, как все, и вдруг в этой четверти открылся у меня внезапный талант сочинения писать. То есть потрясающе стало выходить! Только гляну на тему, сразу понимаю — значит, тут так, а тут этак, а тут цитата, а в заключение о том-то и том-то. Всё ясно с начала до конца. Только написать остаётся. Как сказал Иван Давыдович: «Крайне всё верно, даже удивительно!» Так и писал, то есть сначала соображал, что тут надо, а потом это до крайности доводил, до предела, чтобы оценка наивысшая была. Если, скажем, про лишних людей писал, то уж они у меня такие выходили лишние, что дальше некуда. Просто идеальные сочинения получались. Уж обязательно они к директору попадали, а он в роно

отдавал, а те в гороно, потом дальше, уже не знаю куда, месяца через два они обычно возвращались с какими-то печатями, подписями и сразу же на голубой ленточке на специальной доске вывешивались.

Поэтому, когда Иван Давыдович входил после проверки с кипой тетрадей, я и не волновался ничуть. И действительно: — Горохов, как всегда, пять. Но как-то без радости говорил, я это чувствовал. Да и я что-то не очень, слишком уж спокоен, даже противно. Вроде бы всё в порядке, а вот счастья особенного что-то не наблюдалось.

И вот однажды Иван Давыдович пишет на доске вольную тему — «Лучший день моей жизни».

Я как глянул, сразу понял, что про сбор металлолома буду писать, когда мы первое место заняли. Верные пять баллов. И вдруг вспомнил другое, совсем другой день. То есть сначала вдруг мне жарко стало. Потом вдруг землю перед глазами увидел — засохшую, серую, комками. Что это, думаю, откуда? А потом и остальное всё явилось: жёлтые ломкие стебли вверх уходят, и на маленькой скамеечке, переносной, женщина в белой панаме карандаш серпом точит, говорит что-то, смеётся. Это в Пушкине, летом. А это моя мама раньше, молодая. А это её работа — жёлтые стебли вверх, и на некоторых наверху мешочки из пергамента, чтобы колосья не опылялись, как не нужно, — это я только сейчас понял. Это мама моя такой сорт выводила, чтобы не падала рожь, стояла, чтоб убирать её было легче. Потом из этого леса жёлтого высокие люди выходят, садятся на корточки, газету стелют и кладут огурцы, хлеб чёрный, мягкий, помидоры, соль. А главное, что мы ели — до сих пор не могу забыть, — ели мы что-то в таких маленьких баночках стеклянных с железной крышкой, жёлтое, вроде масла. И так это было вкусно, такое счастье! И сколько я потом ни спрашивал у всех — никто не помнит, что же это такое было, даже форму баночки в воздухе рисовал — никто не помнит, смеются, не было, говорят, ничего такого, выдумываешь. Ничего себе выдумываешь — до сих пор я этот вкус чувствую!

А потом я по полю пошёл, пошёл, до канавы дошёл, и так я помню её, каждый одуванчик, каждый пыльный подорожник. Сколько же лет мне тогда было? Пять? Или шесть? Потом перелез я канаву и в лес вошёл. И долго там сидел возле большой такой воронки с тёмной водой. Камыш рос, и жучки плавали, чёрненькие, видно, как он под водой идёт. Криво вынырнет на поверхность и опять по дуге идёт под водой — маленький, чёрненький, плотный. Когда нам по геометрии про точку объясняли, я сразу всё усвоил, потому что всегда теперь точку в виде этих жучков представляю.

Прошёл я лес и к длинному белому дому вышел, с окошками у земли. Конюшня. Дверь отломана, на земле валяется, внутри темно, и лошади там вздыхают. Очень хорошо в

конюшне. Как я тогда хотел конюхом стать! И сейчас ещё хочу. Говорят — мало платят. Ну и пусть мало, главное, что мне нравится. Нравится, как сбруя с крючков свисает — старая, жухлая, перекрученная. А в стойлах между стенками из досок лошади стоят, переминаются, стучают по дереву. И главное — стоят скромно, хоть целый день работали, нет чтобы развалиться как-нибудь. Так ведь стоят, только хвостом помахивают. Зашёл я к своей любимой Букве. Белая, седая. Сзади в темноте она на большую головку чеснока походит. Пролез я к ней вперёд, за голову взял. Она посмотрела на меня, потом реснички белые на свой блестящий глаз натянула. А в ушах у неё белые волосы растут ровно, а уши всё время вздрагивают. И ноздри мокрые, розовые, вроде как лопнувшие пельмени. Снял я с гвоздя уздечку, на её большую голову надел. Стал шенкель в рот вдевать, железку отполированную. Сначала губы раздвинул бледно-розовые, потом зубы длинные, жёлтые — и щёлк, вдел в рот железку, застегнул. Буква сразу сосать её стала. Закинул поводья ей на спину, похлопал. Потом вдел палец в уздечку, в железное кольцо, на двор повёл. И там только на секунду её оставил, гляжу, на ней уже парень сидит заросший, а у меня под носом его нога босая. А Буква хоть бы что, словно ей всё равно. Так я обиделся. И пошёл. И идёт тут конюх и ведёт за уздечку гнедого жеребца, коротенького, с мышцами, с чёрной гривой, и говорит кому-то: «А что, на Буяне опять никто не поедет? Снова, значит, он лягаться будет, весь табун перекусает? Ну ладно, ладно».

И тут я гляжу — уже сижу на Буяне, хребет жёсткий, костяной, отъехал немножко и — уже по воздуху лечу вверх ногами, и не заметил как. И вдруг чувствую — дальше не падаю, повис, и кто-то меня за ногу вверх тянет, крутит. Пока я падал, ногой в уздечку попал, и она закрутилась, теперь я руками на земле стою, а Буян изгибается и — раз, раз — всё хочет копытами в меня попасть, а я только гляжу через плечо и в сторону прыгаю, и так мы с ним через весь скотный двор проскакали, и так страшно было, и ярость, и восторг.

Тут он меня об липу крутанул, я сразу же схватился за неё и полез, полез на одних руках, изо всех сил. И вдруг чувствую, легко стало лезть, уздечка лопнула, видно, созревшая была. И так было прекрасно сидеть на ветке, вниз смотреть, как этот дурак красным глазом косится, кору кусает. А народу набежало, народу! И все смотрят на меня, и кто смеётся от радости, кто плачет. Директор подъехал в газике брезентовом, заляпанном, снял меня и повёз на речку мыться.

Потом я ещё долго сидел один на скамейке. Возле Египетских ворот. Железные, и на них строем люди идут на прямых ногах, а рука одна согнута углом, а другая вытянута. А за воротами пространство ровное, желтоватое, и дома странные. То есть я тогда думал, что это уже Египет и есть. И до сих пор Египет так представляю. Потом я на насыпь залез, пошёл

по шпалам деревянным, мазутом закапанным. Тут ко мне тихо сзади дрезина подъехала — площадка деревянная, а на краю будочка, и сидел я на этой площадке, ноги поджал, и ехал высоко, а внизу всё солнцем освещено. С заката. И так доехал я до поля, спрыгнул и по песку вниз съехал.

А там стоит моя мама, и вокруг неё, конечно, уже толпа.

— Да, — говорят, — Алевтина Васильевна, сын-то ваш совсем беспризорник растёт. А такая Екатерина Ивановна, которая тоже всё до крайности доводила, говорит: — Бандит!

Тут мама вышла из толпы, песенку запела, весело, неестественно, а левая бровь её поднята и подёргивается. Теперь я знаю, что это значит. Самое большое волнение. А тогда словно впервые я её увидел, раньше я просто чувствовал её за спиной, надёжно, и вдруг, оказывается, и её обидеть могут, и расстроиться она может, и чуть не плачет вот, и тут же понял, почувствовал, как я люблю её, вот.

А потом разошлись все, и я опять один остался, солнце село, и с той воронки комары полетели, прямо виден в темноте серый их столб. А стебли мокрые стали. А вдали чьи-то голоса разговаривают. И сидел я так в темноте, и вдруг почувствовал, что — как бы это сказать? — что всё со всем связано, понимаете, всё со всем: и воронка, и комары, и голоса, и я. Как бы это вам объяснить? Но, в общем, точно, что это лучший день в моей жизни был, самый важный. И так я прямо об этом и написал.

Хоть и не знал, где тут какой пункт, где вступление, где заключение — ничего не знал, да и не думал об этом вовсе. Положил на стол и только тут заметил, сколько помарок всяких. Ну и пусть. Вышел из класса и всё успокоиться не мог, минут двадцать по коридору ходил.

А через три дня приходит Иван Давыдович и прямо сияет:

— Ну, Горохов, ты сочинение написал! Вот спасибо. На, возьми.

Даёт сочинение, а там тройка.

— Да, — говорит, — ничего нельзя было сделать, много ошибок. Да ведь неважно это, ты же понимаешь. Главное, что ты правду написал, что действительно на душе носил.

Конечно, я понял. Так и надо было уж давно. Уж давно хорошо так не было, как теперь.

1970

Примечания:

Роно, горono – районные и городские отделы народного образования в советскую эпоху.

Давид Самойлов
(1920-1990)

Ревность

Я влюблён. Мне пятнадцать. Она холодна.
Я, отвергнутый, к ней не иду на рождение.
Жить мне неважно. Испиваю до дна
Нелюбовь, одиночество и унижение.

За дворами сгорает заря на Москве.
Наблюдает пожар каланча на Сущёвке.
Опускается сумрак. Как при волшебстве,
Фонарей зажигаются длинные чётки.

Во Втором Самотёчном пустынно. Туда
Лишь бродячие псы совершают набеги.
Но над снегом горит высоко, как звезда,
Золотое окошко, висящее в небе.

Там она. Там на тюле её силуэт.
Там счастливый соперник ликует за чаем.
Я взбешён со всей силой пятнадцати лет.
Я в отчаянье. Но и жесток и отчаян.

Образ сладостной мести мерещится мне.
Громкой славой увенчанный, в час неурочный,
Я въезжаю в столицу на белом коне.
Предо мной переулок Второй Самотёчный.

Открываются окна. Сияет луна.
Я проехал задумчив и взора не кинул.
Вслед мне в позднем раскаянье плачет она.
А соперник растерянный чай опрокинул.

Нет! Тогда я не стану врага попирать,
Ибо мы не злопамятны и горделивы.
Лишь одною печалью могу покарать:
Будь счастлива, любимая! Будьте счастливы!

1980

Задание №5

В сентябре 2025 г. в Париже открылась иммерсивная выставка, посвящённая басням Лафонтена, – «Fables Immersives». Концепция разработчика – это путешествие по оживающему пространству самых известных басен писателя. Басенные персонажи – волк, лягушка, лев, лиса – помещены в цифровой мир. У каждого из них есть своя «комната», где на больших экранах разыгрываются сюжеты с их участием, а всё происходящее комментирует сам Лафонтен; с ними можно взаимодействовать на игровых консолях, их можно раскрасить на бумаге – и отсканированные изображения незамедлительно оживут на экране.

Представьте, что вы литературный консультант иммерсивной выставки, посвящённой «Слову о полку Игореве». Сформулируйте концепцию выставки (1-2 предложения), придумайте её название. Для создания экспозиции отберите 2-3 эпизода, которые, на ваш взгляд, наиболее полно отражают особенности поэтики произведения: систему образов, организацию времени и пространства, характер предметной детализации и т.д. Объясните, как эти эпизоды могут быть представлены на выставке. Какие экспонаты (1-2), виртуальные и реальные, связанные с отобранными эпизодами, вы бы добавили в каждый зал? Почему?

Предложите разные формы активности для посетителей каждого зала – так, чтобы их погружение в мир «Слова...» стало не только интересным приключением, но и позволило увидеть в действии те законы, по которым живёт художественный мир произведения.

Примечания:

Иммерсивный — «погружающий», создающий эффект присутствия и полного вовлечения зрителя или участника в искусственно созданную реальность, будь то спектакль, игра или экскурсия.